

НА СОРЕВНОВАНИИ В ЗИГМАРИНГЕНЕ

В этот день, в субботу 5 августа 1876 года, шумная многочисленная толпа наполняла кабачок под вывеской «Свидание рыболовов». Песни, звон стаканов, аплодисменты, возгласы смешивались в ужасающий шум, среди которого время от времени выделялись крики «хох!», выражавшие радость, дошедшую до предела. Окошки кабачка выходили прямо на Дунай, у окраины очаровательного маленького городка Зигмарингена, столицы прусского владения Гогенцоллернов, расположенного почти у истоков великой реки Центральной Европы.

Прочитав вывеску, начертанную красивыми готическими буквами над входной дверью, в кабачок входили члены «Дунайской лиги», международного общества рыболовов, принадлежавших различным прибрежным нациям. Не бывает веселых сборищ без знатной выпивки. И так, там пили отличное мюнхенское пиво и доброе венгерское вино полными кружками и полными стаканами. Там курили, и в большой зале было темно от ароматного дыма, который выбрасывала без устали длинные трубки. Если собеседники не видели друг друга, то они друг друга слышали, по крайней мере те, кто не был глух. Спокойные и молчаливые за делом, рыболовы-удильщики становятся самыми шумными людьми на свете, когда откладывают в сторону свои принадлежности. В рассказах о великих подвигах они не уступают охотником, а этим уже немало сказано. Дело шло к концу весьма существенного завтрака, который собрал вокруг столов сотню приглашенных рыцарей удилища, ярых приверженцев воды, фанатиков крючка. Утренние подвиги, без сомнения, иссушили их глотки, судя по количеству бутылок, появившихся за десертом. Потом пришла очередь многочисленных ликеров, которыми эти люди решили заменить кофе.

Пробило три часа после полудня, когда приглашенные покинули стол. Говоря по правде, некоторые из них пошатывались и совсем не могли идти без помощи соседей. Но большая часть крепко держалась на ногах, как твердые и храбрые завсегдатаи долгих священных заседаний, которые ежегодно возобновлялись несколько раз по случаю соревнования «Дунайской лиги».

Слава этих, превращенных в праздники, частых соревнований была велика на всем протяжении знаменитой реки, желтой, а не голубой, как поется в известном вальсе Штрауса. Соперники стекались на них из герцогства Баденского, из Вюртемберга, Баварии, Австрии, Венгрии, из Румынии, Сербии и даже из турецких провинций Болгарии и Бессарабии.

Общество существовало уже пять лет. Прекрасно управляемое своим президентом, венгерцем Миклеско, оно процветало. Его возрастающие средства позволяли предлагать значительные призы на соревнованиях, и его знамя блистало многочисленными медалями, завоеванными в упорной борьбе с другими рыболовными обществами. Комитет его директоров, хорошо знакомый с законами о рыбной ловле на реках, поддерживал единомышленников то против государства, то против частных лиц и защищал их права и привилегии с особой настойчивостью, можно сказать, с особым профессиональным упорством, свойственным тем двуногим, которых стоит выделить в особый разряд человечества за склонность к рыбной ловле на удочку.

Соревнование, которое только что состоялось, было вторым в 1876 году. В пять часов утра конкуренты покинули городок и собрались на левом берегу Дуная чуть ниже Зигмарингена. Они были в форме Общества: короткая блуза, не стеснявшая движений, панталоны, заправленные в сапоги на толстых подошвах, фуражка с большим козырьком. Само собой разумеется, они владели полным набором различных орудий, перечисленных в «Руководстве рыболова»: удилищами, подсачками, лесками, упакованными в замшевые чехольчики, поплавками, глубомерами, свинцовыми дробинками всевозможных размеров для грузил, искусственными мушками, шнурками, флорентийской жилкой. Ловля была свободной в том смысле, что всякая пойманная рыба шла в счет, и каждый рыболов мог прикармливать ее, как заблагорассудится.

Когда пробило шесть часов, девяносто семь соперников заняли места с

удочками в руках, готовые забросить крючки. Труба проиграла сигнал, и девяносто семь лесок одновременно взвились над рекой.

На конкурсе было объявлено несколько призов; два первые, по сто флоринов каждый, назначались тому рыболову, который поймает самое большое количество рыбы, и. тому, кто изловит самый большой экземпляр.

До второго сигнала трубы не случилось никаких происшествий. Соревнование закончилось в одиннадцать часов. Добыча каждого была представлена жюри, состоявшему из президента Миклеско и четырех членов «Дунайской лиги». Хотя у рыболовов-удильщиков самые горячие головы на свете, никто ни на мгновение не сомневался, что эти высокие и могущественные особы примут решение со всем беспристрастием, так что никакие возражения не будут возможны. Приходилось только вооружиться терпением, чтобы узнать результаты добросовестного расследования; распределение различных призов по весу или по числу должно было оставаться в секрете до момента выдачи, предшествуемого братской трапезой всех конкурентов.

Этот час настал. Рыболовы, не говоря о любопытных зигмарингенцах, ожидали, комфортабельно усевшись, перед эстрадой, на которой находились президент и другие члены Лиги.

И в самом деле, если хватало стульев, скамеек и табуреток, то было достаточно и столов, а на столах стояли кружки с пивом, бутылки с различными напитками, маленькие и большие стаканы.

Когда каждый занял место и трубки задымили вовсю, президент встал.

– Слушайте! Слушайте! – раздалось со всех сторон.

Господин Миклеско осушил кружку пива, и пена еще висела на кончиках его усов.

– Мои дорогие коллеги, – начал он по-немецки, на языке, понятном всем членам «Дунайской лиги», без различия национальностей, – не ждите от меня классически построенного рассуждения с введением, главной частью и заключением. Нет, мы здесь не для того, чтобы упиваться торжественными официальными речами, и я буду говорить только о наших маленьких делах по-товарищески, скажу даже, по-братски, если такое

выражение подходяще для международного общества.

Эти две фразы, чересчур длинные, как все те, какими обычно начинается речь, даже когда оратор не хочет быть многословным, вызвали единодушные аплодисменты, к которым присоединились многочисленные «очень хорошо!» и «хох!», прерываемые икотой. Потом президент поднял бокал, и все наполненные стаканы были выпиты.

Продолжая речь, господин Миклеско поместил рыболова-удильщика в первый разряд человечества. Он подчеркнул все качества, все добродетели, которыми наградила удильщика щедрая природа. Он указал, сколько нужно терпения, изобретательности, хладнокровия, высокой интеллигентности, чтобы преуспевать в рыболовном искусстве, так как это больше, чем ремесло, это именно искусство, и оно намного выше подвигов, которыми понапрасну хвалятся охотники.

– Разве можно сравнивать, – вскричал он, – охоту с рыбной ловлей?!

– Нет, нет! – хором ответили присутствующие.

– Какая заслуга убить куропатку или зайца, когда видишь их на расстоянии выстрела и когда собака – а разве мы имеем собак? – отыскивает для вас дичь? Эту дичь вы замечаете издали, вы не спеша целитесь в нее и выпускаете бесчисленное количество дробин, большая часть которых пропадает напрасно!.. Напротив, за рыбой вы не можете следить взглядом... Она скрывается под водой... Сколько нужно искусных маневров, уловок, ума и хитрости, чтобы заставить рыбу взять крючок, чтобы ее подсечь, чтобы вытащить из воды, то недвижно висящую на конце лески, то трепещущую и как бы аплодирующую вам за победу!

На этот раз ответом были громовые возгласы «браво!» Решительно, президент Миклеско умел затронуть чувства членов «Дунайской лиги». Понимая, что невозможно зайти слишком далеко в похвалах своим сотоварищам, он осмелился, не боясь быть обвиненным в преувеличениях, поставить их благородное занятие выше всех других, вознес до небес горячих приверженцев научного рыболовства и даже обратился к памяти великолепной богини, которая являлась во главе юных любителей древнего Рима на праздниках рыболовов.

Были ли поняты эти намеки? Вероятно, так как они вызвали настоящую

бурю энтузиазма.

Потом, переведя дыхание и осушив еще кружку пенистого пива, он продолжал:

– Мне остается только поздравить вас с растущим процветанием Общества, которое каждый год пополняется новыми членами и репутация которого прочно установлена во всей Центральной Европе. Я вам не буду говорить о наших успехах. Вы их знаете, вы в них участвуете, и это большая честь выступать на соревнованиях. Немецкая печать, чешская печать, румынская печать не скупятся на похвалы, столь драгоценные, и я добавлю, столь заслуженные! Я поднимаю тост, и прошу поддержать меня, за журналистов, преданных международному делу «Дунайской лиги»!

Конечно, все откликнулись на призыв президента Миклеско. Бутылки опорожнились в стаканы, а стаканы опрокинулись в глотки с такой же легкостью, с какой вода великой реки и ее притоков изливается в море.

Можно бы на этом остановиться, если бы речь президента окончилась на последнем тосте. Но предлагались и другие тосты, очевидно, столь же своевременные.

В самом деле, президент выпрямился во весь рост между секретарем и казначеем, которые тоже встали. Каждый из них в правой руке держал бокал шампанского, а левую прижимал к сердцу.

– Я пью за «Дунайскую лигу»! – воскликнул господин Миклеско, окидывая взглядом присутствующих.

Все встали, подняв бокалы. Некоторые рыболовы влезли на скамейки, другие на столы и все ответили с великолепным единодушием на предложение господина Миклеско.

А президент начал снова после того, как было сделано пополнение из неисчерпаемых бутылок, стоявших перед ним и его сотоварищами:

– За различные народы: за баденцев, за вюртембергцев, за баварцев, за австрийцев, за венгров, за сербов, за валахов, за молдаван, за болгар, за бессарабов, которых «Дунайская лига» объединяет в своих рядах!

И бессарабы, болгары, молдаване, валахи, сербы, венгры, австрийцы, баварцы, вюртембергцы, баденцы ответили ему, как один человек, поглотив содержимое своих бокалов.

Наконец, президент закончил выступление, объявив, что пьет за здоровье каждого члена Общества. Но так как их количество достигает четырехсот семидесяти трех, он, к несчастью, вынужден объединить здравицу за них.

Ему ответили тысячью «хох!», которые продолжались до полного истощения голосовых средств.

Следующий номер программы завершился традиционными возлияниями рыболовов. Под конец должны были объявить имена лауреатов.

Каждый ожидал этого с беспокойством, вполне естественным, потому что, как уже сказано, секрет жюри хранился строго. Но момент пришел, и сейчас все откроется.

Президент Миклеско приготовился читать официальный список наград.

В соответствии с уставом Общества наименьшие призы объявлялись первыми, что придавало чтению наградного списка все возрастающий интерес.

При оглашении имен лауреаты низших премий по количеству пойманных рыб представляли перед эстрадой. Президент обменивался с ними рукопожатием, вручал диплом и денежный приз сообразно занятому месту.

Рыбы, содержащиеся в их сетках, были те, каких может поймать каждый рыболов в водах Дуная: колюшки, плотва, пескари, окуни, лини, щуки, карпы и другие. Валахи, венгры, баденцы, вюртембергцы фигурировали в перечне низших премий.

Второй приз вручили за семьдесят семь пойманных рыб немцу, по имени Вебер, успех которого был встречен горячими рукоплесканиями. Вебера, в самом деле, хорошо знали сотоварищи. Уже много и много раз на предыдущих соревнованиях имя его стояло в первых рядах, и в этот день ждали, что он, как всегда, получит первый приз по количеству.

Нет, только семьдесят семь рыб было в его садке, семьдесят семь хорошо

сосчитанных и пересчитанных, тогда как его конкурент, если не более искусный, то, по крайней мере, более счастливый, предъявил девяносто девять рыб.

Имя этого мастера рыбной ловли было провозглашено. Им оказался венгр Илиа Бруш.

Удивленное собрание, услышав незнакомое имя этого венгра, лишь недавно вступившего в «Дунайскую лигу», не аплодировало.

Так как лауреат не счел нужным явиться за получением премии в сто флоринов, президент Миклеско незамедлительно перешел к чтению списка победителей по весу выловленных рыб. Премии получили румыны, славяне, австрийцы. Когда было произнесено имя получившего второй приз, оно было встречено аплодисментами, как и имя немца Вебера. Господин Иветозар, один из соревнователей, восторжествовал над карпом в три с половиной фунта весом, который наверняка ускользнул бы от менее искусного и хладнокровного рыболова. Господин Иветозар был одним из самых видных, самых деятельных, самых преданных членов Общества и имел в эту пору самое большое количество премий. Поток-то его и приветствовали единодушными рукоплесканиями.

Оставалось только присудить первый приз по этой ^категории, и все сердца затрепетали в ожидании имени лауреата.

Каково же было удивление, даже больше, чем удивление, – всеобщее остолбенение, когда президент Миклеско голосом, дрожь которого не мог сдержать, с трудом произнес:

– Первый приз по весу за щуку в семнадцать фунтов присуждается венгру Илиа Брушу!

Гробовое молчание наступило в собрании. Руки, собравшиеся хлопать, остались неподвижными, рты, готовые кричать в честь победителя, молчали. Все присутствующие замерли на месте от любопытства. Появится ли, наконец. Илиа Бруш? Придет ли он получить от президента Миклеско почетные дипломы и присоединенные к ним двести флоринов?

Внезапно по собранию пронесся ропот.

Один из рыболовов, который до того держался в стороне, направился к эстраде.

Это и был венгр Илиа Бруш.

Судя по тщательно выбритому лицу, над которым поднималась густая черная шевелюра, Илиа Бруш был не старше тридцати лет. Роста выше среднего, с широкими плечами, крепко стоящий на ногах, он, вероятно, обладал редкой силой. Можно было, в самом деле, удивляться, как молодец такой закалки увлекся мирным занятием – рыбной ловлей на удочку да еще и приобрел в этом трудном искусстве мастерство, неопровержимым доказательством которого служили результаты конкурса.

Другая достаточно странная особенность: Илиа Бруш, очевидно, страдал каким-то недостатком зрения. В самом деле, большие темные очки скрывали его глаза, цвет которых невозможно было определить. А ведь зрение самое драгоценное из чувств для тех, кто живо интересуется чуть заметными движениями поплавка и кому необходимо разгадывать многочисленные рыбы хитрости.

Но, каково бы ни было удивление, приходилось подчиняться. Беспристрастие жюри не вызывало сомнений, Илиа Бруш являлся победителем соревнования, и при таких обстоятельствах, каких еще не встречалось на памяти членов Лиги. Собрание, наконец, ожило, и достаточно звучные рукоплескания приветствовали триумфатора в момент, когда он получал дипломы и премии из рук президента Миклеско.

После этого Илиа Бруш, поговорив с президентом, не спустился с эстрады, а повернулся к заинтересованному собранию и жестом потребовал молчания, которое наступило точно по волшебству.

– Господа и дорогие коллеги, – начал Илиа Бруш, – я прошу позволения обратиться к вам с несколькими словами, что мне разрешил наш президент.

Можно было услышать, как пролетит муха в зале, только что перед этим такой шумной. Что означает это выступление, не предусмотренное программой?

– Я сначала желаю вас поблагодарить, – продолжал Илиа Бруш, – за ваше сочувствие и за аплодисменты, но прошу вас верить, что я не возгордился

сверх меры двойным успехом, которого мне удалось достигнуть. Я сознаю, что успех, приличествующий наиболее достойному, должен был бы принадлежать кому-нибудь из старейших членов Лиги, столь богатой выдающимися рыболовами, и что я обязан не столько моим заслугам, сколько счастливому случаю.

Скромность этого вступления понравилась собранию; раздалось несколько приглушенных возгласов: «Очень хорошо!» – Этот благоприятный случай я должен оправдать, и я составил с этой целью проект, который, надеюсь, по своему характеру заинтересует присутствующих здесь знаменитых рыболовов. Вы знаете, дорогие коллеги, сейчас мода на рекорды. Почему не последуем мы примеру чемпионов других видов спорта и не попытаемся установить рекорд рыбной ловли на удочку?

Заглушенные восклицания пробежали по аудитории. Слышалось: «Ах, ах!», «Слушайте, слушайте!», «Почему бы и не так?» Каждый член Общества выражал впечатления сообразно своему темпераменту.

– Когда эта мысль, – продолжал тем временем оратор, – пришла мне впервые в голову, я ее тотчас одобрил и понял, при каких условиях она должна быть осуществлена. Мое звание члена «Дунайской лиги», впрочем, ограничивает задачу. Я член «Дунайского общества» и только на Дунае должен искать счастливого исхода моего предприятия. И я составил проект спуститься по нашей знаменитой реке от самого ее истока до Черного моря и питаться во время этого пробега в три тысячи километров исключительно плодами моей рыбной ловли.

Сегодняшняя удача еще более увеличила мое желание выполнить путешествие, интерес которого, я уверен, вы оцените; вот почему я решил отправиться 10 августа, то есть в ближайший четверг, и назначаю вам свидание в этот день в самом том месте, где начинается Дунай.

Легче вообразить, чем описать энтузиазм, который вызвало это неожиданное сообщение. В продолжение пяти минут гремела буря возгласов «хох!» и бешеных рукоплесканий.

Такое важное событие должно было получить достойное завершение. Господин Миклеско это понял и, верный себе, поступил, как настоящий председатель. Немного тяжеловато, быть может, он встал еще раз,

поддержанный двумя помощниками.

– За нашего коллегу Илиа Бруша! – воскликнул он взволнованным голосом, размахивая бокалом шампанского.

– За нашего коллегу Илиа Бруша! – отозвалось собрание, как раскат грома, за которым немедленно последовало полное молчание, так как человеческие существа, к сожалению, неспособны кричать и пить в одно и то же время.

Однако молчание продолжалось недолго. Пенящееся вино придало пересохшим глоткам новую силу, что позволило провозгласить еще бесчисленное множество здравниц до того момента, когда закрылся при всеобщем веселье знаменитый конкурс рыболовов, открытый в этот же день, 5 августа 1876 года, «Дунайской лигой» в очаровательном маленьком городке Зигмарингене.

В ВЕРХОВЬЯХ ДУНАЯ

Хотел ли добиться славы Илия Бруш, когда объявил коллегам, собравшимся в «Свидании рыболовов», о своем намерении спуститься по Дунаю с удочкой в руке? Если такова была его цель, он мог похвалиться, что достиг ее.

Печать заговорила об этом случае, и все газеты дунайской области посвятили соревнованию в Зигмарингене статьи своих репортеров, более или менее обширные и, во всяком случае, способные приятно пощекотать самолюбие победителя, имя которого становилось популярным.

Уже на следующий день, в номере от 6 августа, венская «Нейе Фрайе Пресс» писала:

«Последнее соревнование „Дунайской лиги“ по ужению закончилось вчера в Зигмарингене настоящим театральным эффектом, героем которого был венгр по имени Илия Бруш, вчера еще никому не известный, а сегодня почти знаменитый.

Вы спросите: что же такое сделал Илия Бруш, чтобы заслужить такую внезапную славу?

Во-первых, этот искусник сумел заслужить два первых приза – по весу и по количеству рыбы, далеко оставив позади конкурентов, чего, кажется, не случалось за все время, как существуют подобные соревнования. Это уже не плохо. Но дальше будет еще лучше.

Когда он собрал богатую жатву лавров и одержал такую блестящую победу, казалось, он вправе насладиться заслуженным отдыхом. Нет, не таково было мнение этого удивительного венгра, который приготовился поразить нас еще больше.

Если мы хорошо осведомлены, – а точность нашей информации известна, – Илия Бруш объявил коллегам, что он намерен спуститься с удочкой в руке вниз по Дунаю, от его верховья в герцогстве Баденском до устья в Черном море, сделав путешествие приблизительно в три тысячи километров.

Мы будем держать наших читателей в курсе всех перипетий этого оригинального предприятия.

Илия Бруш должен отправиться в путь 10 августа, в следующий четверг. Пожелаем ему счастья, но попросим также ужасного рыболова не истреблять вплоть до последнего представителя водяное население великой интернациональной реки!» Так писала венская «Нейе Фрайе Пресс». Не меньше горячности проявила будапештская «Пестер Ллойд», а также и белградская «Сербске Новине» и бухарестская «Романул», в которой заметка разрослась до размеров настоящей статьи.

Все эти заметки и статьи, умело написанные, привлекли внимание к Илиа Брушу, и если правда, что печать есть отражение общественного мнения, то можно было ожидать, что путешествие по мере его продолжения будет возбуждать все возрастающий интерес.

В самом деле, разве в городах, расположенных на берегах реки, не проживают члены «Дунайской лиги», которые сочтут долгом принять участие в славе своего сотоварища? Нет сомнения, что он получит от них в случае надобности сочувствие и поддержку. Пока что комментарии печати имели большой успех :у рыболовов-удильщиков. В глазах этих профессионалов .предприятие Илиа Бруша имело огромную важность, и некоторые члены Лиги, участники конкурса в Зигмарингене, задержались, чтобы присутствовать при отправлении чемпиона «Дунайской лиги».

Хозяину «Свидания рыболовов» не приходилось жаловаться на продолжение их пребывания в Зигмарингене. После полудня 8 августа, за два дня до срока, назначенного лауреатом для начала оригинального путешествия, более тридцати собутыльников продолжали веселиться в большой зале кабачка, владелец которого, предоставляя этой избранной клиентуре неограниченные возможности для выпивки, получал непредвиденные доходы.

Однако, несмотря на приближение события, задержавшего любопытных в

столице Гогенцоллернов, вечером 8 августа в «Свидании рыболовов» разговаривали не о герое дня. Другое событие, еще более важное для обитателей берегов великой реки, служило темой общего разговора и приводило всех в волнение.

Это волнение было вполне понятным, и его оправдывали серьезные события.

Дело в том, что уже в течение многих месяцев берега Дуная подвергались постоянным грабежам. Не счесть было обокраденных ферм, разграбленных замков, обворованных деревушек. Были и убийства: несколько человек заплатили жизнью за сопротивление, которое они пытались оказать неуловимым злодеям.

По всей вероятности, столько преступлений не могло совершить несколько отдельных лиц. Ясно, что речь шла о хорошо организованной банде, без сомнения, очень многочисленной, судя по ее «подвигам».

Станным казалось, что банда действовала только в непосредственной близости от Дуная. Уже за два километра от берегов реки никакое преступление нельзя было отнести на ее счет. Зато поле ее деятельности, по-видимому, было ограничено только в ширину, и берега австрийские, венгерские, сербские или румынские одинаково подвергались нападениям бандитов, которых никогда не удавалось захватить на месте.

Сделав свое дело, бандиты исчезали до ближайшего преступления, совершаемого в другом месте, иногда за сотни километров от предыдущего, и о них ничего не было слышно. Казалось, они улетучивались, а с ними и их добыча, иногда очень громоздкая.

Заинтересованные правительства в конце концов были взволнованы этими последовательными ударами, которые, по всей вероятности, можно было приписать недостаточной связи между полицией придунайских стран. По этому поводу произошел обмен дипломатическими нотами, и, как сообщила печать в тот самый день 8 августа, переговоры привели к созданию интернациональной полиции, которая должна была действовать под управлением одного начальника на всем течении Дуная. Выбор начальника представил большие трудности, но в конце концов согласились на кандидатуру венгра Карла Драгоша, полицейского комиссара, хорошо

известного в тех краях. Карл Драгош считался, в самом деле, замечательным сыщиком, и нельзя было выбрать более достойного. Ему исполнилось сорок пять лет; это был человек среднего роста, худощавый, наделенный более моральной стойкостью, чем физической силой. Однако он обладал достаточной силой, чтобы выносить профессиональные трудности службы, и храбростью, чтобы не бояться ее опасностей. Он числился на жительстве в Будапеште, но чаще всего находился в провинции, занятый какими-нибудь щекотливыми расследованиями. Прекрасное знание всех языков Юго-Восточной Европы – немецкого, румынского, сербского, болгарского и турецкого, не говоря уже о родном венгерском, позволяло ему выходить из всяких затруднений. Будучи холостяком, он не боялся, что семейные заботы стеснят свободу его передвижений.

Как сказано, печать хорошо отзывалась о назначении Драгоша. Публика тоже одобрила его единодушно.

В большой зале «Свидания рыболовов» новость приняли крайне лестным образом.

– Нельзя было лучше выбрать, – утверждал в тот момент, когда в кабачке зажглась лампа, господин Иветозар, обладатель второго приза по весу рыбы на только что закончившемся конкурсе. – Я знаю Драгоша. Это – человек.

– И искусный человек, – добавил президент Миклеско.

– Пожелаем, – вскричал кроат с трудно произносимым именем Серб, владелец красильни в предместьях Вены, – чтобы ему удалось оздоровить берега реки! Жизнь здесь стала прямо невозможной!

– У Карла Драгоша сильный противник, – сказал немец Вебер, покачивая головой. – Посмотрим его за работой.

– За работой!.. – вскричал господин Иветозар. – Он уже за ней, будьте спокойны!

– Конечно, – поддержал господин Миклеско. – Не в духе Карла Драгоша терять время. Если его назначение произошло четыре дня назад, как утверждают газеты, то он, по крайней мере, уже три дня делает свое дело.

– С чего бы ему начать? – спросил господин Писсеа, румын, самой своей фамилией (По-латыни piscis рыба.) предназначенный стать рыболовом. – На его месте, признаюсь, я был бы в крайнем затруднении.

– Потому вас и не поставили на его место, мой дорогой, – благодушно заметил серб. – Будьте уверены, что Драгош не затруднится. А уж докладывать вам свой план, это извините. Быть может, он направился в Белград, быть может, остался в Будапеште... Если только не предпочел явиться как раз сюда, в Зигмаринген, и если его нет в этот момент среди нас в «Свидании рыболовов»!

Это предположение вызвало бурный взрыв веселья.

– Среди нас! – вскричал Вебер. – Вы смеетесь над нами, Михаил Михайлович! Зачем он явится сюда, где на людской памяти никогда не совершалось ни малейшего преступления?.

– Гм! – возразил Михаил Михайлович. – А может, для того, чтобы присутствовать послезавтра при отправлении Илиа Бруша. Может, он его интересуется, этот человек... Если только Илиа Бруш и Карл Драгош не одно лицо.

– Как это, одно лицо! – закричали со всех сторон. – .Что вы под этим подразумеваете? .

– Черт возьми! А это было бы здорово... Никто не заподозрит полицейского в шкуре лауреата, и он будет инспектировать Дунай на полной свободе.

Эта фантастическая выдумка заставила всех собутыльников широко открыть глаза. Уж этот Михаил Михайлович! Только у него и могут явиться подобные идеи!

Впрочем, Михаил Михайлович не очень держался за предположение,

которое только что рискнул высказать.

– Если только... – начал он оборотом, который, очевидно, был его. излюбленным.

– Если только?

– Если только Карл Драгош не имеет другой причины присутствовать здесь, – продолжал он, переходя без передышки к другому, не менее фантастическому предположению.

– Какой причины?

– Предположите, например, что этот проект спуститься по Дунаю с удочкой в руке кажется ему подозрительным.

– Подозрительным!.. Почему подозрительным?

– Черт побери! Да ведь это было бы совсем не глупо для мошенника скрыться под маской рыболова, и особенно рыболова, столь известного. Такая известность стоит любого инкогнито в мире. Можно нанести сто ударов, где только захочется, а в промежутках ловить рыбку. Хитрая выдумка!

– Но надо уметь удить, – поучительно заметил президент Миклеско, – а это привилегия честных людей.

Такой моральный вывод, быть может, немножко чересчур смелый, был встречен горячими рукоплесканиями этих страстных рыболовов. Михаил Михайлович с замечательным тактом воспользовался всеобщим энтузиазмом.

– За здоровье президента! – вскричал он, поднимая свой стакан.

– За здоровье президента! – повторили собутыльники, опустошив стаканы, как один человек.

– За здоровье президента! – повторил один из посетителей, одиноко сидевший за столом и в течение некоторого времени, казалось, с живым интересом прислушивавшийся к происходившему вокруг него разговору.

Господин Миклеско был тронут любезным поступком незнакомца и, чтобы его отблагодарить, поднял в его честь бокал.

Одиноким посетитель, считая, без сомнения, что этим вежливым поступком лед сломан, решил, с позволения почтенного собрания, выразить и свое мнение.

– Хорошо сказано, честное слово! – заметил он. – Да, конечно, ужение – удовольствие порядочных людей.

– Мы имеем честь говорить с коллегой? – спросил господин Миклеско, обращаясь к незнакомцу.

– О! – скромно ответил этот последний. – Всего лишь любитель, который восхищается блестящими подвигами, но не имеет дерзости им подражать.

– Тем хуже, господин...

– Йегер.

– Тем хуже, господин Йегер, так как я должен заключить, что мы никогда не будем иметь чести считать вас в числе членов «Дунайской лиги».

– Кто знает? – возразил господин Йегер. – Может быть, и я когда-нибудь решусь протянуть руку к пирогу... к удочке, хотел я сказать, и в этот день я, конечно, буду вашим, если только сумею удовлетворить условиям, необходимым для принятия в ваше Общество.

– Не сомневайтесь в этом, – горячо заверил господин Миклеско, воодушевленный надеждой завербовать нового приверженца. – Эти условия очень просты, и их всего четыре. Первое – платить скромный ежегодный взнос. Это – главное.

– Разумеется, – смеясь подтвердил господин Йегер.

– Второе – это любить ужение. Третье – быть приятным компаньоном, и мне кажется, что это третье условие уже выполнено.

– Очень любезно с вашей стороны! – заметил господин Йегер.

– Что же касается четвертого, то оно состоит во внесении своей фамилии и адреса в список Общества. Имя ваше известно, и когда я буду иметь ваш адрес...

– Вена, Лейпцигерштрассе, номер сорок три.

– ...вы будете полноправным членом Лиги за двадцать крон в год.

Оба собеседника рассмеялись от чистого сердца.

– И больше никаких формальностей? – спросил господин Йегер.

– Никаких.

– И не надо удостоверения личности?

– Ну, господин Йегер, – возразил президент, – чтобы ловить рыбу на удочку!..

– Это верно, – заметил господин Йегер. – Впрочем, это неважно. Ведь все должны знать друг друга в «Дунайской лиге».

– Как раз наоборот, – заверил господин Миклеско. – Вы только подумайте! Некоторые из наших товарищей живут здесь, в Зигмарингене, а другие на берегу Черного моря. Не так-то легко поддерживать добрососедские отношения.

– В самом деле!

– Так, например, нашего поразительного лауреата последнего конкурса...

– Илиа Бруша?

– Его самого. И что ж? Его никто не знает.

– Невозможно!

– Но это так, – уверил господин Миклеско. – Ведь он всего две недели назад вступил в Лигу. Совершенно для всех Илиа Бруш удивительное... – что я говорю! – подлинное откровение.

– Это то, что на скачках называют «темная лошадка»?

– Именно.

– А из какой страны эта темная лошадка?

– Это венгр.

– Так же, как и вы. Потому что вы венгр, как я полагаю, господин президент?

– Чистокровный, господин Йегер, венгр из Будапешта.

– А Илиа Бруш?

– Из Сальки.

– Где эта Салька?

– Это местечко, маленький городок, если хотите, на правом берегу Ипеля, реки, которая впадает в Дунай на несколько лье (Лье старинная французская мера длины, около четырех километров.) выше Будапешта.

– С ним, по крайней мере, господин Миклеско, вы можете считаться соседями, – смеясь заметил Йегер.

– Не раньше, чем через два или три месяца, – таким же тоном возразил президент «Дунайской лиги». – Столько времени ему понадобится для путешествия...

– Если только оно состоится! – ядовито молвил веселый серб, бесцеремонно вмешиваясь в разговор.

Другие рыболовы придвинулись к ним. Йегер и Миклеско оказались в центре маленькой группы.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил господин Миклеско. – У вас блестящее воображение, Михаил Михайлович!

– Простая шутка, господин президент, – ответил спрошенный. – Впрочем, если Илиа Бруш, по-вашему, ни полицейский, ни преступник, почему он не

может посмеяться над нами и оказаться просто хвастуном?

Господин Миклеско взглянул на дело серьезно.

– У вас недоброжелательный характер, Михаил Михайлович, – возразил он. – Когда-нибудь он сыграет с вами скверную шутку. Илия Бруш производит на меня впечатление человека честного и положительного. Кроме того, он член «Дунайской лиги». Этим все сказано.

– Браво! – закричали со всех сторон.

Михаил Михайлович, казалось, совсем не сконфуженный уроком, с замечательным присутствием духа воспользовался новым предложением и провозгласил тост.

– В таком случае, – сказал он, схватив стакан, – за здоровье Илия Бруша!

– За здоровье Илия Бруша! – хором ответили присутствующие, не исключая господина Йегера, который добросовестно осушил стакан до последней капли.

Последняя выходка Михаила Михайловича была, впрочем, не менее лишена здравого смысла, чем предыдущие. Объявив о своем проекте с большим шумом, Илия Бруш больше не показывался. Никто ничего о нем не слышал. Не было ли странно, что он держался где-то в стороне, и возникало вполне законное предположение, что он хотел одурачить своих чересчур легковых товарищей. Как бы то ни было, ожидать придется недолго. Через тридцать шесть часов все разрешится.

Тем, которые интересовались проектом, нужно было только подняться на несколько лье выше Зигмарингена. Там они, без сомнения, встретят Илия Бруша, если он, действительно, такой серьезный человек, как утверждал президент Миклеско.

Но здесь могла возникнуть одна трудность. Было ли установлено местонахождение истока великой реки? В точности ли указывали его карты? Не существовала ли неуверенность в этом вопросе, и, когда попытаются встретить Илия Бруша в одном пункте, не окажется ли он в другом?

Конечно, нет сомнений в том, что Дунай, Истр древних, берет начало в великом герцогстве Баденском. Географы даже утверждают, что это происходит на шести градусах десяти минутах восточной долготы и сорока семи градусах сорока восьми минутах северной широты. Но даже это определение, допуская, что оно справедливо, доведено только до дуговой минуты, а не до секунды, и это допускает широкие разногласия. Ведь дело шло о том, чтобы забросить удочку в том самом месте, где первая капля дунайской воды начинает скатываться к Черному морю.

Согласно одной легенде, которая долго считалась географической истиной, Дунай рождался в саду принца Фюрстенберга. Колыбелью его будто бы был мраморный бассейн, в котором многочисленные туристы наполняли свои кубки. Не у края ли этого неисчерпаемого водоема нужно ожидать Илиа Бруша утром 10 августа?

Нет, не там подлинный источник великой реки. Теперь известно, что он образован слиянием двух ручьев, Бреге и Бригаха, которые ниспадают с высоты в восемьсот семьдесят пять метров и протекают через Шварцвальдский лес (Шварцвальдский лес горный массив, составляющий часть Альпийской горной системы.). Их воды смешиваются у Донауэшингена, на несколько лье выше Зигмарингена, и объединяются под общим названием Дунай.

Если какой-либо из ручьев больше другого заслуживает считаться рекой, то это Бреге, длина его тридцать семь километров, и начинается он в Брисгау.

Но, без сомнения, наиболее осведомленные сказали себе, что местом отправления Илиа Бруша, – если он все же отправится, – будет Донауэшинген, и там они собрались, в большинстве члены «Дунайской лиги», во главе с президентом Миклеско.

С утра 10 августа они выстроились, как на часах, у берега Бреге, при слиянии двух ручьев. Но часы проходили, а героя дня не было видно.

– Он не явится, – сказал один.

– Это просто мистификатор, – молвил другой.

– А мы настоящие простаки! – добавил Михаил Михайлович, который скромно торжествовал.

Только президент Миклеско настойчиво защищал Илиа Бруша.

– Нет, – уверял он, – я никогда не допущу мысли, что член «Дунайской лиги» вздумает дурачить своих товарищей!.. Илиа Бруш запоздал. Будем терпеливы. Мы вот-вот его увидим.

Господин Миклеско был прав в своем доверии. Незадолго до девяти часов из группы, собравшейся при слиянии Бреге и Бригаха, донесся крик:

– Вот он!.. Вот он!..

В двухстах шагах из-за поворота показалась лодка, направляемая кормовым веслом вдоль берега, минуя быстрину. На корме стоял человек.

Этот человек и был тот самый, который несколько дней назад появился на конкурсе «Дунайской лиги» и завоевал два первых приза, венгр Илиа Бруш.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)